

УДК 811.11

Идентификаторы аморальных проявлений в беллетристике и ранней публицистике Н.С. Лескова

Головачева Ольга Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Аннотация

В статье исследованы языковые и авторские единицы, указывающие на действия аморального характера, в беллетристике и ранней публицистике Н.С. Лескова. Идентификаторы моральной испорченности впервые рассматриваются в аспекте лингвистического анализа. Как в художественном тексте, так и в публицистическом Н.С. Лесков, следуя канонам русской традиционной культуры, описывает подобного рода проявления через эвфемизмы, окказионализмы, слова в метафорическом употреблении. Когда Н.С. Лесков дает предельно отрицательную оценку, он наряду с языковыми единицами с ярко выраженной экспрессией использует лексемы книжного стиля, амбивалентные к оценке, либо слова, где коннотация пейоративного плана составляет зону периферии. В таких контекстах лесковская «язвительная сатира», усиленная стилистически рассогласованными единицами, выпукло характеризует как объект речевого акта, так и отношение к нему субъекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Головачева О.А. Идентификаторы аморальных проявлений в беллетристике и ранней публицистике Н.С. Лескова // Культура и цивилизация. 2016. № 2. С. 12-21.

Ключевые слова

Н.С. Лесков, ранняя публицистика, нравственная деградация, оценочная лексика, окказионализмы, эвфемизмы, нравственная порочность.

Введение

В национальном сознании русских людей проявления нравственной порочности, относящиеся к вопросам пола, традиционно не вербализируются единицами в прямом значении.

Н.С. Лесков неукоснительно следует сложившейся этнокультурной концепции как в публицистике («Русские учителя»), так и в художественном творчестве, в частности, в очерке «Воительница».

Языковые и авторские единицы, указывающие на действия аморального характера, в беллетристике и ранней публицистике Н.С. Лескова

Данное беллетристическое произведение исследовалось в различных ракурсах, однако идентификаторы моральной испорченности не рассматривались в аспекте лингвистического анализа. Однако даже небольшой фрагмент произведения – рассказ героини («Воительница») о ее поездке на извозчике в обществе представителей противоположного пола, которые у каждого кабака подкрепляли себя спиртным – дает четкие, объемные представления о случившемся. Действительность преломляется у Н.С. Лескова в «слово-факте» (термин Б.С. Дыхановой), сопряженном со словом-зарисовкой, расширенном до панорамного полотна:

«Вдруг, сударь ты мой, слышу крик, визг, гам. Что такое? Гляжу – ночь, повозка наша стоит, и около нее все вертятся, да кричат, а что кричат – не разобрать. *«Шурле-мурле, шире-мире-кравермир»*, – орет один. <...> Вдруг этот, что кричал-то, опять как заорет: *шире-мире-кравермир!* да с этим словом *хап меня* под руки-то из телеги да на поле, да ну *вертеть, ну крутить*. <...> Гляну, гляну вокруг себя – *все рожи такие темные, да все вертятся и меня крутят да кричат: шире-мире! да за ноги меня, да ну раскачивать*. «Батюшка! – взмолилась я, такое над собой в первый раз видючи, – Никола божий амченский! *...не допусти же ты им хоть наготу-то мою недостойную видеть!*» <...> Вдруг тут зазвенело, вдруг застучало, вдруг заиграло: *стон*, я тебе говорю, *стоит*. <...> *Лягушки, карпии, леци, раки, кто на скрипку, кто на гитаре, кто в барабаны бьют; тот пляшет, тот скачет, того вверх вскидывает!* «Ах, – думаю, – плохо это! Ах, совсем это нехорошо! ...», и в это время слышу в животе у меня *бум-бурум-бум, бум-бурум-бум*. <...> *Боль*, тебе говорю, в животе *непереносная, а все гуду*. И так *целую ночь целехонькую на мне тарабанили; целую ночь до бела до света... на утешение им, бесам, служила*. <...> А ты вот подивись, как я им *наготы-то своей не открыла*» [Лесков, www].

Метафорически-символическое преломление действительности в интерпретации героини затрудняет восприятие и понимание текста современному читателю, в то время как описываемое событие прозрачно представляло читателю XIX века сцену группового изнасилования женщины, переданную пострадавшей стороной.

Сфера интимной жизни русского человека была закрытой для посторонних; экспликация ее в текстах происходила через эвфемизированные лексемы и единицы, указывающие на воздействие внешней, неподконтрольной человеку силы (как правило, беса) или на состояние собственной слабости (сильное опьянение, сон), что отмечает и авторитетный исследователь творчества Н.С. Лескова Б.С. Дыханова при анализе «Воительницы»: «В ком-

бинаторике образов сна и яви синкретически воссоединяются... мотивы «аредова сна» и могущества плотского народного начала в их сопряженности с мотивами опьянения и бесовского морока» [Дыханова, 2011, 51]. Говоря о «сновидческом кошмаре», в котором соединены «доминантные знаковые линии повествования – эротическая и ментальная», Б.С. Дыханова отмечает воспроизведение рассказчицей «реальной ситуации путешествия с ярмарки в извозчичьей телеге» [Там же]. И.В. Поздина также говорит о симбиозе логически несоединимого: «В «Воительнице»... история о том, как «бесам на утешение послужила», с точки зрения традиционного жанра, – быличка. Но в ней обнаруживается карнавальная смеховая стихия, с ее нелепостью, алогизмом, абсурдизацией и эротическим подтекстом» [Поздина, 2009, 20-21]. Для русского национального сознания было нехарактерно даже упоминание о любых действиях сексуального характера с использованием слов и выражений, открыто манифестирующих проявления интимного плана. В «Воительнице» героиня рассказывает о происшествии, случившемся с ней ночью в дороге. Она не пытается разобраться в том, что совершается, кто есть кто, потому что происходящее воспринимает как наваждение, что регистрируют не имеющие отношения к половым связям человека субстантивы *лягушки, карпи, лещи, раки*. Женщина фиксирует действия, осуществляемые безотносительно к субъекту (*завенело, застучало, заиграло*) или производимые некоей неведомой силой (*ну вертеть, ну крутить, ну раскачивать*), эксплицированной в тексте словом *бесы* (*на утешение им, бесам, служила*). Нечистая сила номинирована также эвфемизированным сочетанием *рожки такие темные*. Названные лексемы, экспрессия которых получает предельное наполнение за счет контекстных партнеров, наряду с негативно оценочными наречиями одного синонимического ряда (*плохо, совсем нехорошо*) свидетельствуют о поругании личности. Усиливают эмоционально-экспрессивный накал отмеченных единиц лексемы, характеризующие физическое воздействие на женщину: «*хап* меня под руки-то из телеги да на поле / да за ноги меня, да ну раскачивать / Боль... в животе *непереносная* / И так *целую* ночь *целехонькую* на мне *тарабанили*» [Лесков, www].

На уровне потенциальных семантических компонентов элементы насилия проступают в глаголе *вертеть* (кем) – «помыкать, управлять по произволу» [Даль, 2006, т. 1, 305] и его производных (*верченый (человек)* – «бешеный, сумасшедший, помешанный» [Там же]). Аналогичное значение зафиксировано в ряде говоров в дериватах глагола *крутить* (*крученый (человек)* – «бешеный, взбалмошный» [Даль, 2006, т. 2, 332]). Глаголы, производные адъективы на уровне имплицитных содержат семы неуравновешенности, непредсказуемости (человека), возможности давления на личность. На небольшом текстовом поле автор использует повтор глаголов *крутить, вертеть, вертеться*. Данный прием является ярким идиостилевым маркером Н.С. Лескова-публициста, «благодаря которому оказываются выделены смысловые доминанты» [Леденёва, 2000, 46].

Повтор слова *нагота* – «обнаженность, состояние чего-то нагого, на ком нет одежды» [Даль, 2006, т. 2, 643], которое на имплицитном уровне включает в значение семы сты-

да, эксплицированные в производных данного словообразовательного гнезда (*наготить* (себя) – «обнажаться, лишаться одежды, свой позор казать» [Там же, 642]), актуализирует тему женского стыда, связанную с обнаженным телом или определенными его частями, которые представлялись срамными.

Стыдливость как обязательная составляющая сущности русской женщины тиражируется в публицистике Н.С. Лескова 60-х годов в многочисленных работах, что мы отмечали ранее [Головачева, 2009]. Мы полагаем, что факт (автор отражает действительность в «слово-факте») выступает главным показателем невинности женщины: если при желании иметь близкие отношения с мужчиной она может стремиться показать красоту своего тела, то в случае ее нежелания и сопротивления она хочет сохранить то, что может, – скромность, стыдливость, целомудренность. Не рассчитывая на собственные силы, героиня, как православный человек, призывает самого почитаемого русскими святого скорого помощника Николая Чудотворца («Батюшка! – взмолилась я, такое над собой в первый раз видючи, – *Никола божий амченский!* ...не допусти же ты им хоть *наготу-то* мою недостойную *видеть!*») [Лесков, www]). Желание не осрамиться, избежать «лишнего» позора (а тело женщины, обнаженное без ее желания, именно так и рассматривалось) исполнилось (*я им наготы-то своей не открыла*).

Физическое насилие над личностью, в сознании которой в этот момент оказались смещены пласты реальности и отрешенности от нее, представлено в речевой партии героини посредством гиперболизации, выступающей показательным признаком драматичности события, достигающего в восприятии женщины пределов демонического, страшного.

Однако на достоверность происходящего указывает окказиональное образование *шурле-мурле*, *шире-мире-кравермир*. Авторская составная единица через заданную бессмысленность проявляет архетипическую модель речевого поведения русской женщины в сложившихся обстоятельствах и выступает ярким прагматическим маркером: иначе, не нарушив этических норм, героиня не могла описать насилие над собой.

Авторские слова (*шурле-мурле*, *шире-мире-кравермир*) – единицы с «вытянутой» семантикой, что А.Г. Лыков относит к редким случаям проявления окказиональности «... (когда одно лишь звучание принимает на себя все функции выражения, приобретая художественно-эстетический смысл и назначение). Здесь «вытянутость» лексического значения и есть лексическое значение слова. Запрограммированная непонятность слова, или даже его бессмысленность – это специфическое выражение его значения» [Лыков, 1972, 76-77], окаймляющее ассоциативное поле табуированного в русском этносознании действия, безоговорочно осуждаемого социумом. Таким образом, в контексте демонстрируется не только «использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишенное автоматизма» [Лыков, 1976, 255], но и употребление, содержащее глубокие этнокультурные проекции.

Проявление категории окказиональности в ракурсе семантической вытянутости в работе Н.С. Лескова формирует оценочную модальность текста в целом. Организованная в

народно-разговорном регистре речь рассказчицы, не лишённая скоморошьяго глума, призвана произвести на читателя глубокое воздействие, вызвать реакцию понимания, сопереживания, так как каждое слово героини-христианки в завуалированном виде наполнено экспрессией осознания своей невольной греховности.

Человек, пострадавший от насильников, может рассчитывать на понимание и сочувствие. Демонстрация же извращённых наклонностей вызывала в русском этносознании категорично-презрительное отторжение порока: как и русская жизнь, «русская литература была христианской» [Захаров, 1994, 5].

Н.С. Лесков считал своим долгом публициста и христианина информировать общество об извращенцах с целью оградить прежде всего детей от губительного воздействия растленных индивидуумов, опасных в нравственном отношении, особенно когда они привлекались в качестве учителей. При характеристике половой распущенности автор обращается к эвфемизации – одному из ярких идиостилевых средств, частотно употребляемому им и в публицистике, и в художественных произведениях.

В очерке «Русские учителя» цикла «Русское общество в Париже» Н.С. Лесков последовательно, с использованием образно-метафорических лексем, представляет учителя-гомосексуалиста: «был в университете, исключен, по требованию товарищей, *за безнравственное поведение* / П.А. Ко-ч... был *мизераблем*; встретил своего монсиньора Бьенвеню в лице молодого русского литератора В-ва. Тот его одел, обрядил, поместил с другим подобным же молодым *мизераблем* в особой чистой комнатке и стал заниматься их нравственным развитием и умственным образованием. Но тут мизерабли занялись таким видом *эпикуреизма*, что русский монсиньор Бьенвеню, *застав их на поличном*, наградил каждого десятью рублями и выгнал из дома / Это – *бездарность, наглость, ненасытимое корыстолюбие* и ко всему этому нередко глубочайшая *нравственная испорченность*» [Лесков, 1996, т. 3, 195].

Авторскую позицию максимально открыто для просвещённого читателя иллюстрирует слово *мизерабль* – «жалкий, ничтожный человек» [Евгеньева, 1986, т. 2, 266]. В субстантиве, употребленном на близком семантическом расстоянии с единицей *эпикуреизм* – ЛСВ-3: «склонность к чувственным удовольствиям, к изнеженной жизни» [Евгеньева, 1988, т. 4, 664], на имплицитном уровне возбуждаются коннотативные компоненты *похоть, склонность к разврату*, в завуалированном виде присутствующие в контексте и в других единицах.

Умозаключения Н.С. Лескова относительно такого типа русских учителей в Париже выражены категорично, с явным сарказмом, «нетерпечеством». Автор оценивает их безапелляционно: *и к собакам пустить нельзя: собак развратят и погубят*.

В данной работе публицист, «ненавидящий не людей, а их пороки» [Леденёва, 2015, 46], нарушает авторское кредо и в выпукло негативном ключе аттестует так называемых учителей, поскольку они уродуют самое важное в жизни – детей.

В синтагме *собак развратят и погубят* глагол *развратить* (1. Приучить к половому разврату, сделать развратным. 2. Сбить с правильного пути, приучить к чему-н. отри-

цательному, безнравственному (неверному образу мыслей, неправильному образу жизни и т. п.) [Развратить, www]) подготавливает читателя к восприятию дополнительных сведений о русских учителях в Париже.

В словообразовательном гнезде с корнем *разврат* отмечено большое количество производных наречий, фиксирующих разнообразие оттенков негативной оценки (*развратительно, развращающе, развратно, развращенно*). Л.Г. Смирнова считает, что «такое количество производных прилагательных и наречий с компонентом отрицательной оценки свидетельствует о том, что глагол *развращать – развратить* чрезвычайно значим для национального языкового сознания, поскольку обозначает действие, подлежащее безоговорочному осуждению» [Смирнова, 2008, 232].

Компонент интенсифицированной негативной оценки содержат названия лиц по таким особенностям поведения, как *развратность, беспутство*. Однако в заимствованных лексемах (*мизерабль, эпикуреизм*) пейоративная завуалированная оценка автора понятна его читателю, «интеллектуально развитой личности, для которой чтение связано с обдумыванием и критическим анализом» [Леденёва, 2015, 135]. Таким образом, публицист клеймит безграничную распущенность учителей, предназначенных культивировать высокую нравственность.

Прилагательное *безнравственный* как средство характеристики действий лица, лишённого внутренних духовных качеств и этических норм, предполагает широкий спектр конкретных проявлений. Однако контекстное соседство (*по требованию товарищей*) указывает на вопиющую морально-духовную растленность студента: русская ментальность, ориентированная на взаимопомощь, отзывчивость и в случаях, не одобряемых на официальном уровне, допускает поддержку, сочувствие окружающих даже иноверцу. Здесь же Н.С. Лесков с документальной точностью и художественной образностью показывает такую нравственную испорченность, какую даже либеральные русские студенты не могут вытерпеть.

Семантические компоненты, оконтуренные в названных выше единицах, будут реализованы в двучленных наименованиях *madame Поль, милый Поль*, а также в трехчленных наименованиях с первым компонентом *madame*, выступающим в качестве ключевой единицы в структуре словосочетаний *madame Павел Алексеевич, madame Поль Ко-ч*, где мотивы распущенности получают завершенность и смысловую конкретизацию. Указанные выше наименования антропоцентрического плана выполняют функцию характеристики и экспликации авторской позиции, подкрепленной общественным мнением («...от него просто *отвораживались... никто* о нем не думал иначе, как о *дряни*» [Лесков, 1996, т. 3, 195]), создают эффект узнавания, т. е. позволяют безошибочно определить, о ком идет речь («*Историю же его трудно было не знать: ее, с самыми мелочными подробностями, знал целый Латинский квартал*» [Там же]).

В этносоциальной концептосфере русских упрочилось стойкое негативное отношение к проявлениям разнузданности такого типа, которое в тексте эксплицировано рядом жестких,

хлестких негативных оценок: *дрянь* – «о ком-то плохом, скверном» [Евгеньева, 1985, т. 1, 450]; *отворачиваться* – ЛСВ-3: «прерывать отношения, переставать общаться» [Евгеньева, 1986, т. 2, 666]; *отречься* – «объявить кого-то близкого чужим, отказаться от знакомства, связи и т. д.» [Там же, 706] и др.

Заключение

Мы неоднократно отмечали следующее: когда Н.С. Лесков дает предельно отрицательную оценку, он наряду с языковыми единицами с ярко выраженной экспрессией использует лексемы книжного стиля, амбивалентные к оценке, либо слова, где коннотация пейоративного плана составляет зону периферии. В таких контекстах лесковская «язвительная сатира», усиленная стилистически рассогласованными единицами, выпукло характеризует как объект речевого акта, так и отношение к нему субъекта.

Справедливое негодование публициста достигало максимальной степени оценки в тех случаях, когда аморальные проявления взрослых могли иметь проекции на детей.

Библиография

1. Головачева О.А. О языке и стиле произведений Н.С. Лескова, посвященных «женскому вопросу» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 2. С. 3-11.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. Т. 1. 1158 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. Т. 2. 1280 с.
4. Дыханова Б.С. Сновидческие мотивы и их семантика в повести Н.С. Лескова «Воительница» // Тезисы докладов международной научной конференции «Лесковиана. Документальное наследие Н.С. Лескова: текстология и поэтика» (г. Москва, 21-23 ноября 2011 г.). М.: НИП «ВФК», 2011. С. 50-52.
5. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.
6. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1986. Т. 2. 736 с.
7. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. 800 с.
8. Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5-11.
9. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: Издательство МГОУ, 2000. 185 с.
10. Леденёва В.В. Слово Лескова. М.: Издательство МГОУ, 2015. 260 с.
11. Лесков Н.С. Воительница. URL: http://royallib.com/book/leskov_nikolay/voitelnitsa.html

12. Лесков Н.С. Русское общество в Париже // Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Терра, 1996. Т. 3. С. 185-372.
13. Лыков А.Г. Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом? // Русский язык в школе. 1972. № 2. С. 76-82.
14. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976. 311 с.
15. Поздина И.В. Повести Н.С. Лескова 1860-х годов в аспекте жанрового синкретизма, мифопоэтики и народной культуры: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
16. Развратить // Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolkslovar.ru/r855.html>
17. Смирнова Л.Г. Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке. Смоленск, 2008. 267 с.

Identifiers of immoral behaviour in N.S. Leskov's literary and early publicistic works

Ol'ga A. Golovacheva

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian language,
I.G. Petrovsky Bryansk State University,
241036, 14 Bezhitskaya st., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Abstract

The article aims to explore language units, both existing in the Russian language and created by the writer, that can be viewed as identifiers of immoral behaviour in N.S. Leskov's literary and early publicistic works. Identifiers of moral turpitude are examined in the aspect of linguistic analysis for the first time. The article points out that N.S. Leskov follows the canons of traditional Russian culture both in literary and publicistic works: he describes immoral behaviour, using euphemisms, occasionalisms, metaphors. Having analyzed N.S. Leskov's works "The Amazon" and "Russian Society in Paris", the author of the article has come to the following conclusion: when N.S. Leskov wants to give an extremely negative assessment, he uses not only language units that are considered to be distinctly expressive, but also bookish words whose axiological potential is ambivalent, or words in which a pejorative connotation is on the periphery. In such contexts his "sarcastic satire", reinforced by stylistically inconsistent units, vividly characterizes

both the object of a speech act and the subject's attitude to it. The author also pays attention to the fact that the publicist's indignation reaches the maximum degree of negative evaluation in cases when immoral behaviour of adults can have an impact on children.

For citation

Golovacheva O.A. (2016) Identifikatory amoral'nykh proyavlenii v belletristike i rannei publitsistike N.S. Leskova [Identifiers of immoral behaviour in N.S. Leskov's literary and early publicistic works]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2, pp. 12-21.

Keywords

N.S. Leskov, early publicistic works, moral degradation, evaluative words, occasionalisms, euphemisms, moral turpitude.

References

1. Dal' V.I. (2006) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory dictionary of the live great Russian language: in 4 vol.], Vol. 1. Moscow: AST Publ.: Astrel' Publ.: Tranzitkniga Publ.
2. Dal' V.I. (2006) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory dictionary of the live great Russian language: in 4 vol.], Vol. 2. Moscow: AST Publ.: Astrel' Publ.: Tranzitkniga Publ.
3. Dykhanova B.S. (2011) Snovidcheskie motivy i ikh semantika v povesti N.S. Leskova "Voitel'nitsa" [Dreamlike motifs and their semantics in the story "The amazon" by N.S. Leskov]. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Leskoviana. Dokumental'noe nasledie N.S. Leskova: tekstologiya i poetika" (g. Moskva, 21-23 noyabrya 2011 g.)* [Proc. Int. Conf. "Leskoviana. Documentary heritage of N.S. Leskov: textology and poetics" (Moscow, November 21-23, 2011)]. Moscow: VFK Publ., pp. 50-52.
4. Evgen'eva A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.], Vol. 1. Moscow: Russkii yazyk Publ.
5. Evgen'eva A.P. (ed.) (1986) *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.], Vol. 2. Moscow: Russkii yazyk Publ.
6. Evgen'eva A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.], Vol. 4. Moscow: Russkii yazyk Publ.
7. Golovacheva O.A. (2009) O yazyke i stile proizvedenii N.S. Leskova, posvyashchennykh "zhenskomu voprosu" [On the language and style of N.S. Leskov's works touching upon the "women's issue"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya"* [Bulletin of Moscow Region State University. Series "Russian philology"], 2, pp. 3-11.

8. Ledeneva V.V. (2000) *Osobennosti idiolekta N.S. Leskova* [Features of the idiolect of N.S. Leskov]. Moscow: Moscow Region State University.
9. Ledeneva V.V. (2015) *Slovo Leskova* [Leskov's word]. Moscow: Moscow Region State University.
10. Leskov N.S. (1996) Russkoe obshchestvo v Parizhe [Russian society in Paris]. In: *Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t.* [Complete works: in 30 vol.], Vol. 3. Moscow: Terra Publ., pp. 185-372.
11. Leskov N.S. *Voitel'nitsa* [The amazon]. Available from: http://royallib.com/book/leskov_nikolay/voitelnitsa.html [Accessed 15/02/16].
12. Lykov A.G. (1972) *Mozhno li okkazional'noe slovo nazvat' neologizmom?* [Can an occasionalism be called a neologism?] *Russkii yazyk v shkole* [The Russian language at school], 2, pp. 76-82.
13. Lykov A.G. (1976) *Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoe okkazional'noe slovo)* [Modern Russian lexicology (occasionalisms in the Russian language)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
14. Pozdina I.V. (2009) *Povesti N.S. Leskova 1860-kh godov v aspekte zhanrovogo sinkretizma, mifopoetiki i narodnoi kul'tury. Dokt. Diss. Abstract* [Stories written by N.S. Leskov during the 1860s in the aspect of genre syncretism, mythopoetics and folklife culture. Doct. Diss. Abstract]. Ekaterinburg.
15. Razvratit' [Deprave]. In: *Obshchii tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Comprehensive explanatory dictionary of the Russian language]. Available from: <http://tolkslovar.ru/r855.html> [Accessed 15/02/16].
16. Smirnova L.G. (2008) *Leksika s otsenochnym komponentom znacheniya v sovremennom russkom yazyke* [Words with an evaluative meaning component in the modern Russian language]. Smolensk.
17. Zakharov V.N. (1994) *Russkaya literatura i khristianstvo* [Russian literature and Christianity]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [The problems of historical poetics], 3, pp. 5-11.